

УДК 39(476):94(476)''17/18''(470.62)

О. В. Матвеев, доктор исторических наук, профессор
(Краснодарский государственный университет, г. Краснодар, Россия)

БЕЛОРУСЫ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Большую роль в складывании этнокультурного пространства на Кубани и Черноморском побережье Северного Кавказа сыграли восточные славяне. В статье рассматривается проблема освоения Кубани и Черноморья переселенцами из белорусских губерний в конце XVIII – начале XX в., а также процесс интеграции белорусов как в этнически родственное восточнославянское сообщество в рамках региона, так и в состав религиозно-этнической общности русских в рамках Российской империи.

The East Slavs played a great role in the formation of the ethnos and the culture in Kuban and the North of Caucasian Riviera. The article is devoted to the problem of Kuban and Black Sea region's reclaiming by the settlers from Belorussian provinces from the end of 18th till the beginning of the 20th century. It also covers the process of integration by the Belorussians not only into ethnic related the East Slavic community but also into the religious commonness of the Russians as part of the Russian Empire.

Введение. Роль восточных славян в складывании этнокультурного пространства Кубани и Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа трудно переоценить. Тем не менее, многие вопросы, связанные с формированием традиционного состава населения края, остаются слабо изученными. К их числу относится участие в этом процессе представителей средней части восточного славянства – белорусов. Имеется лишь несколько статей справочного характера, где дана самая общая характеристика представителей белорусского этноса в региональном контексте [1]. В статье предпринята попытка рассмотреть особенности освоения Кубани и Черноморья переселенцами из белорусских губерний в конце XVIII – начале XX в. Статья написана при поддержке РГНФ проекта 12-23-01002 «Народы России и Белоруссии: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания».

Основная часть. Современное этнокультурное пространство края начинается складываться со второй половины XVIII в. В этот период этнического самосознания белорусов как такового не существовало, имелись лишь его элементы, связанные прежде всего с идентичностями сословного и конфессионального характера, региональной принадлежностью. Сохранялись многочисленные локальные этникионы – витебцы, могилевцы, гомельцы, пинчуки, бужане, литвины, чернорусы, тутейшие и т. д. Принадлежность основной массы населения западных губерний к православию (за исключением магнатов и шляхты) также означала включение элементов этнического самосознания белорусов в более широкую категорию русского. Поэтому в источниках конца XVIII – первой половины XIX в., освещающих миграционные процессы на Кубани, выявить белорусский

компонент можно зачастую лишь основываясь на указании мест выхода переселенцев. Этот признак в ряде случаев не вполне надежен, поскольку не всегда характеризует этническую принадлежность выходцев из белорусских поветов Северной Украины, Смоленской, Псковской, Витебской, Гродненской, Минской, Ковенской, Могилевской губерний. Не всегда работают и антропонимические характеристики: под «характерными», этномаркирующими фамилиями могли скрываться не обязательно белорусы, но и украинцы, русские, поляки, евреи. Поэтому при работе с документами этого времени необходим системный подход, основанный на анализе всего комплекса территориальных, сословных, конфессиональных, антропонимических и других данных.

Очевидно, значительная часть белорусов (в документах первой половины XIX в. – «литвины») осела на Кубани в ходе организованных правительством переселений малороссийских казаков в 1792–1849 г. «Литвины», жители северной Украины, присутствовали в составе Черноморского казачьего войска в 1792 г. В переписи 1794 г. практически в каждом курене Области Войска Черноморского встречаются представители этномаркирующей фамилии Литвин (Литвын) [2, с. 28, 35, 39, 45, 49, 78, 81, 82, 103, 112, 146, 151, 153, 158, 181, 184]. Материалы казачьей антропонимии позволяют косвенно судить о местности, из которой прибыл человек в Войско. Так, в Кисляковском курене в 1794 г. числился казак Могилевец Моисей, в Кореновском – Могилевец Иван, в списках Вышестеблиевского куреня значится Полещук (полещук / полищук – житель Полесья) Иван [2, с. 232–292]. Нередко встречаются в переписи и характерные для белорусов фамилии на *-ович/-евич* и на *-ский/-цкий*, однако установить

этническую принадлежность их носителей весьма проблематично.

Более выразительно белорусы были представлены в Черномории в ходе организованного правительством переселения 1821–1825 гг. Речь идет о белорусских поветах Черниговской губернии, которые приняли активное участие в колонизационном движении на Кубань. К сожалению, в многочисленной историографии, посвященной переселенцам из малороссийских губерний на Северо-Западный Кавказ в первой половине XIX в., этот интересный вопрос специально не рассматривался. Между тем, еще подполковник Генерального штаба М. Домонтович, составивший в 1865 г. статистико-этнографическое описание Черниговской губернии, отмечал, что в Суражском, Ново-зыбковском, Стародубском и Городнянском уездах этой губернии был представлен «чистый тип белоруса в полной силе» [3, с. 533].

Вероятно, определенная часть «черниговских литвин» оседала и в казачьих станицах Старой и Новой линий. Очевидно, и офицерский состав Кавказского Линейного казачьего войска нередко пополнялся в первой половине XIX в. представителями белорусской шляхты. Так, в 1849 г. в конноартиллерийскую батарею № 15 Кавказского Линейного казачьего войска был переведен И. Ф. Ростковский. Игнатий Феликсович Ростковский родился в 1811 г., происходил из дворян Могилевской губернии, принадлежал к римско-католическому вероисповеданию, служил в артиллерийских частях, в 1856 г. был прикомандирован ко 2-му Лабинскому полку, а 3 октября 1859 г. получил чин войскового старшины. И. Ф. Ростковский был кавалером орденов Св. Анны 3-й степени с бантом и 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й степени с императорской короной, имел бронзовую медаль за войну 1853–1856 гг. В 1-м Кавказском пешем казачьем батальоне служил войсковой старшина Иван (Ян) Сенявский. Он происходил из дворян Витебской губернии римско-католического вероисповедания. Служил в Эриванском карабинерном полку, «за отличие против турок произведен в подпоручики». 4 июня 1851 г. майора Сенявского переводят в Кавказское Линейное казачье войско с переименованием в войсковые старшины. 22 января 1856 г. Ян Сенявский стал председателем комиссии военного суда 3-й бригады. Он имел ордена Св. Георгия 4-й степени за 25 лет беспорочной службы, Св. Анны 2-й степени, 3-й степени с бантом и 4-й степени [8, л. 112].

«Белорусскую» идентичность этих офицеров выявить достаточно сложно, поскольку дворянство западных российских губерний в этот период оставалось во многом ориентированным на польскую культуру и католицизм. Если

воспользоваться удачным термином Д. Сталюнаса, белорусская шляхта считалась «потенциально» польской [4, с. 280]. Преобладающими для белорусских помещиков являлись идентичности религиозного и сословного характера, поэтому самосознание этнических белорусов-католиков, которое на протяжении десятилетий формировалось польскоязычным костелом, можно было выразить в терминах: «Я – католик, значит, я – поляк». Однако это не мешало им быть храбрыми казачьими офицерами и незаурядными администраторами, гармонично включавшимися в формируемое кубанское этнокультурное пространство.

Так, Войцех Фомич Побоевский из дворян Минской губернии стал начальником Воздвиженской станицы. В 1860 г. начальником ст. Михайловской был хорунжий Иосиф Игнатьевич Садлуцкий из дворян Могилевской губернии Мстиславского уезда [5, Л.Л. 169 об.].

Условия местного этнокультурного пространства формировали относительную религиозную терпимость и подвижность, о чем наглядно говорят сведения формулярных списков о межконфессиональных браках.

Помимо казачьих подразделений, немало выходцев из Виленской, Минской, Могилевской, Витебской и Гродненской губерний служили в регулярных частях Отдельного Кавказского корпуса, в гарнизонах Черноморской береговой линии. В боях и походах Кавказской армии белорусы хорошо вписывались в местные условия, становились обладателями общенациональной идентичности. О стрелке 1-й роты 19-го стрелкового батальона Алексееве дореволюционный военный историк С. С. Эсадзе писал: «Он был родом белорус, солдат бедный; закалившись в своих родных лесах, Алексеев одарен был железным здоровьем и во время действий батальона в лесах он чувствовал себя как у себя дома: при наступлении всегда был впереди, при отступлении всегда из последних показывалась его сухая фигура и улыбающееся лицо. Его примерная служба всем в батальоне была известна, и вот когда прислали командиру один Георгиевский крест, то командир наградил им Алексеева» [6, с. 91]. В процитированном тексте примечательны два обстоятельства. Во-первых, отмечена способность солдат из западных лесных губерний адаптироваться к кавказской природно-географической среде. В современных исследованиях справедливо отмечается, что адаптация к внешней среде, основанная на традиционном природопользовании, способствует формированию нового этнокультурного пространства. Во-вторых, мы видим, что белорус Алексеев полностью усвоил систему ценностей и своеобразный кодекс Георгиевских кавалеров Российской Императорской армии и, несмотря на бедное происхождение, обладал высоким

чувством собственного достоинства. С. С. Эсадзе сообщает, что рота очень была недовольна награждением Алексева и встретила нового кавалера недружелюбно. Дело в том, что по обычаям кавказских войск раздачу крестов поручали самой роте. При этом обычно «выбор падал на отличившегося солдата из старослужащих, которые обязаны были после оказанной им чести устроить роте магарыч – угостить водкой». Сводивший концы с концами Алексеев не мог позволить себе организовать такую пирушку. Однако вскоре он сумел доказать, что товарищи к нему несправедливы. При штурме устроенного горцами завала он бросился один против трех горцев, одного застрелил, другого заколол, а третьего обратил в бегство. После этого геройского подвига Алексеев пользовался общим уважением батальона» [6, с. 178].

Как и казацкие офицеры, выходцы из западных губерний, служившие на Черноморской береговой линии, легко вступали в браки с православными. Так, подпоручик Михаил Адамович Протасов, из дворян Минской губернии, римско-католического исповедания, был женат на дочери чиновника Витковского, Анне Васильевне, имеющей православное вероисповедание. Командир 3-й линейной роты поручик Андрей Иванович Красовский, из дворян Белостокской области, римско-католического вероисповедания, был «женат на черкешенке, принявшей Св. Крещение Софье Ивановой, у них сын Леонид, родившийся 26 марта 1851 года исповедания православного». Капитан Наполеон Матеушович Довнарлович, из дворян Минской губернии, римско-католического вероисповедания, был женат на дочери имеретинского дворянина Кажгерды, Анне Давыдовой, православного исповедания [7, л. 7].

Заключение. Таким образом, в XVIII – первой половине XIX в. мы видим несомненные следы присутствия выходцев из белорусских земель на территории Кубани и Черноморского побережья Кавказа. Однако в источниках этого времени не обнаруживается проявлений этнического самосознания белорусов в крае. Последнее распределялось между сословными и общенациональными идентичностями в рядах казачества, в Кавказской армии, в духовном звании. При этом речь вовсе не шла об ассимиляции и насильственной переделке белорусов в великороссов. Господствующее в «национальной» историографии понимание этничности как жесткой нормы единственной, обязательной и кров-

ной национальной принадлежности здесь не работает. В действительности происходил процесс интеграции белорусов как в этнически родственное восточнославянское сообщество в рамках региона, так и в состав религиозно-этнической общности русских в рамках империи. Этот процесс протекал на основе либо общих конфессиональных и этнокультурных славянских ценностей, как это было в случае с православными белорусами, либо на основе ценностей служилых, сословных, как это имело место с белорусами-католиками. В иерархии идентичностей элементы самосознания белорусский – кубанский – русский не исключали друг друга, а составляли множественность, вбирающую в себя все более высокие уровни.

Поэтому в условиях Кубани белорусы гармонично включались вместе с представителями южнорусской и украинской этнографических групп в совместные усилия по созданию единого этнокультурного пространства.

Литература

1. Черницын С. В. Белорусы // Энциклопедия культуры Юга России: В 9 т. Т. I. Народы Юга России. Ростов н/Д, 2005. 432 с.; Бондарь Н. И., Матвеев О. В, Ракачев В. Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / науч. ред., сост. О. В. Матвеев. Краснодар, 2008. С. 43–98.
2. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.: исторические документы. Краснодар, 2008. 488 с.
3. Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. СПб., 1865. 580 с.
4. Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 277–286.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 180
6. Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и на Черноморском побережье. Майкоп, 1993. 178 с.
7. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 975.
8. ГАКК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 526.

Поступила 12.03.2014